

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
n.samoylov@spbu.ru

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ИДЕОЛОГИЯ РЕФОРМАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА*

Рассмотрение возникновения образа Петра Великого в Китае, процесса его социокультурной репрезентации и адаптации, а также выявление причин использования ярких примеров деятельности этого российского императора и осуществленных им преобразований для обоснования необходимости реформ в империи Цин в конце XIX века являются целью данного исследования. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения особенностей формирования и развития взаимных образов России и Китая на различных этапах истории в связи с тем, что они могут оказывать воздействие на двусторонние отношения. Петр Великий и его реформы оказались очень притягательны для китайских мыслителей. Первые оценочные высказывания о нем появились в Китае в середине XIX века. Это были отрывочные сведения, в основном почерпнутые из западных источников, однако весьма позитивные. При этом Петр I представлялся китайским авторам фигурой экзотической. В то же время личность и масштаб его деятельности казались им очень привлекательными. Мощь России, достигнутая к XIX веку, по их мнению, была предопределена реформами Петра. Особо отмечалось то, что Петр активно призывал заимствовать иностранный опыт. Наибольшее внимание личности Петра Великого и его реформам уделил выдающийся китайский реформатор Кан Ювэй, для него Петр был символом очень успешных преобразований, которым нужно было учиться и следовать. При этом, по его мнению, Петр I действовал в соответствии с волей Неба, не нарушая гармонии, в этом и заключалась причина его успехов. Образ царя-реформатора, мудрого правителя огромной страны закрепился за Петром I надолго.

Ключевые слова: Петр Великий, Китай, реформаторское движение, Кан Ювэй, историческая имагология

Для цитирования: Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время появляется все больше исследований в области исторической имагологии, в ходе которых ученые начинают обращаться к изучению так называемых имагем. Малгожата Швидерска, вводя данное понятие, определяет имагемы как

«элементы определенной национальной культуры, которые проявляются в тексте, например имена художников, философов, писателей, политиков и других представителей определенной нации или этнической группы» [8].

Если посмотреть на этот вопрос более широко, то можно отчетливо увидеть, что в процессе восприятия иной культуры в массовом сознании фокусируются определенные имена исторических личностей, которые ассоциируются с прошлым или настоящим того или иного народа, становясь неотъемлемой частью его восприятия.

Так, например, при упоминании Франции в памяти всегда всплывает имя Наполеона, а при упоминании Китая – имена Конфуция, Мао Цзэдуна или Дэн Сяопина. Если говорить о России, то таким образом-символом, своего рода имагемой стала фигура Петра Великого. Это характерно в том числе и для стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Изучение истории появления образа Петра I в Китае, рассмотрение процесса его социокультурной репрезентации и адаптации, а также выявление причин использования образа российского императора и осуществленных им преобразований для идеологического обоснования необходимости проведения реформ в империи Цин в конце XIX века являются целью данного исследования.

До настоящего времени рассматриваемая тема лишь косвенно привлекала внимание считаного числа исследователей. Отдельные замечания по

этому поводу содержатся в работах С. Л. Тихвинского [3], [4] и Дона Прайса [5].

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ

Первые работы, посвященные России и содержащие описания ее географического положения, а также краткие сведения об истории и современной жизни ее населения, стали появляться в Китае лишь в XIX веке. Информация о России попадала к китайским авторам в основном из западных источников (переводов европейских работ на китайский язык, выполненных миссионерами, или непосредственно из книг и статей на европейских языках), поэтому очень часто эти сведения оказывались неточными, искаженными или же преподносились весьма тенденциозно. Известный китайский государственный деятель Линь Цзэсюй (1785–1850), прославившийся тем, что будучи назначен специальным императорским эмиссаром, активно боролся с британской торговлей опиумом в провинции Гуандун, с энтузиазмом собирал сведения о зарубежных странах. Он также известен тем, что одним из первых в Китае заговорил о необходимости учиться у «иностранных варваров» и предложил заимствовать научные и технические достижения других стран.

Россия, как самое крупное из соседних с Китаем государств, постоянно интересовала Линь Цзэсюя. Во время пребывания в Гуандуне в 1839–1841 годах он написал сочинение «Элосы го цзияю» («Основные сведения о России») [1], которое в качестве специального раздела было включено в работу «Сы чжоу чжи» («Описание четырех материков»). Этот труд о России не мог не вызвать интереса у других китайских авторов. Видный ученый Вэй Юань, внеся некоторые исправления и дополнения, включил его в свой трактат «Хайго тучжи» («Описание заморских стран с картами»). Заслуга Линь Цзэсюя состояла в том, что он сумел познакомить читателей с историей России (хотя и изложенной с большим количеством неточностей) и с административным делением Российской империи, кратко описав основные губернии. Именно в этом сочинении были впервые приведены факты из биографии Петра Великого, которого автор именует Бида-ван и Бида Эли (Петр Алексеевич), и дана характеристика его деятельности:

«В начале противоборства с разными странами Европы люди (России) были по-прежнему необразованными (и) дикими, (они) не были знакомы с техническими достижениями Запада до тех пор, пока царь Петр, умный и талантливый, не покинул столицу своего государства, отправился сотоварищи в Яньшидалань (Амстердам) и другие места на судоверфи, в арсеналы изучать технические ремесла. Вернувшись домой, передал (при-

обретенные) знания. В том, как изготавливать огневые средства, строить боевые корабли, даже превзошли другие страны. Были обучены и тренированы войска. Дисциплина (в войсках) до настоящего времени исключительно строгая» [1: 13].

Из этого фрагмента отчетливо видно, что Линь Цзэсюй связывал истоки могущества Российской империи в первую очередь с теми преобразованиями, которые проводил Петр I.

Еще одним источником сведений о России в Китае в то время были географические сочинения, написанные китайскими авторами. В 1848 году увидел свет труд видного китайского государственного деятеля, губернатора провинции Фуцзянь Сюй Цзиюя (1795–1873) «Инхуань чжилюэ» («Краткое описание морей и суши») [9]. Автору удалось привлечь довольно большое количество западных работ и благодаря использованию этих материалов уточнить и исправить данные китайских источников. Существенное место было уделено географии и истории России. Сюй Цзиюй удивил читателей тем, что Россия – это крупнейшее государство в мире, расположенное в Европе, Азии и Америке, перечислил отдельные города и местности и дал их описание. По силе и военной мощи Россия, по мнению Сюй Цзиюя, могла сравниться с Британией, однако ее мощь, как он утверждал, была сосредоточена на Западе, а не на Востоке. Из государственных деятелей России наибольшее внимание Сюй Цзиюя привлек Петр Великий. Начало его правления было описано автором в традиционном конфуцианском духе:

«Народ, пребывая в страхе из-за царившего в стране хаоса, лелеял надежду на появление добродетельного правителя, который сумел бы умиротворить страну» [9].

Именно таким государем смог стать Петр. Сюй Цзиюй подробно описывал, как царь лично учил солдат и занимался ремеслами, как он строил новую столицу. В заключение автор делает вывод о том, что «нынешняя мощь России берет свое начало с Петра» [9].

Однако, даже несмотря на появление упомянутых выше трудов, представления китайцев о России в середине XIX века были весьма далеки от реальности, а во внутренних районах Китая не знали практически ничего. В этом отношении весьма показательны то, какие «сведения» о России включил в текст своего достаточно хорошо известного «Нового сочинения в помощь управлению» один из руководителей Тайпинского движения Хун Жэньгань (1822–1864), двоюродный брат вождя и духовного лидера тайпинов Хун Сюцюаня:

«Россия – это страна с самой большой территорией, в два раза превышающей Китай. Жители России исповедуют католичество. Они веруют в Иисуса Христа, но формы их веры весьма сходны с теми, которые бытуют во Франции... Наконец, [один из русских царей] послал своего старшего сына, переодетого в платье простолюдина, во Францию изучать методы государственного управления и строительства кораблей. Через несколько лет наследник престола, об истинном положении которого во время пребывания за границей не догадывался никто, возвратился на родину. После его возвращения наступил период государственного расцвета и христианской веры» [2: 48].

В этом пассаже речь явно идет о Петре I, однако ситуация в России того времени и его собственная история представлены в искаженном виде.

Важной вехой в плане систематизации сведений о России в Китае после появления упомянутых ранее сочинений Линь Цзэсюя и Сюй Цзюня следует признать книгу Хэ Цютао (1824–1862) «Шофан бэйчэн» (1859)¹. Эта книга, состоявшая из 80 цзюаней, посвященная изложению исторических событий, связанных с установлением российско-китайской границы, и содержащая некоторые сведения о России, была одобрена императором Сяньфэном. Поскольку она создавалась с целью обобщения опыта вооруженного противоборства с «варварами» в условиях нарастающей экспансии западных держав, несомненна ее тенденциозность. Книга содержала довольно интересную, но не всегда достоверную информацию. Некоторые современные ученые считают, что эта работа имеет чисто компилятивный характер и Хэ Цютао даже не исправил ошибки в тех сочинениях, которые он включил в свой труд. Это относится и к приведенным там сведениям о Петре I, где он назван дочерью царя Алексея, а иногда именуется Федором и даже Санкт-Петербургом [5: 30]. Вместе с тем, и в этом заслуга Хэ Цютао, он обратил внимание читателей на наличие более надежных трудов Линь Цзэсюя, Вэй Юаня и Сюй Цзюня.

Таким образом, благодаря появлению сочинений Линь Цзэсюя и Сюй Цзюня, к концу XIX века в Китае начал складываться достаточно привлекательный образ российского императора Петра Великого. Он выглядел достойным правителем, который проводил необходимые для страны реформы, укреплял армию, занимался судостроением, что в итоге способствовало превращению России в могущественную европейскую державу.

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ 1890-х ГОДОВ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Традиция проведения реформ в Китае уходит в глубокую древность и связана с извест-

ным конфуцианским постулатом: «Управлять – значит исправлять». Практически при каждой династии, когда наступал период кризиса и застоя, осуществлялись различные преобразования. Можно вспомнить знаменитые реформы, проведенные в XI веке выдающимся государственным деятелем сунской эпохи Ван Аньши. Однако движение за реформы, развернувшееся в империи Цин в конце XIX века, возникло в принципиально иных исторических условиях. Его развитие связано с именем выдающегося китайского мыслителя Кан Ювэя (1858–1927), сочетавшего в своих теоретических трудах великолепное знание конфуцианской традиции с глубоким осмыслением современной ему эпохи. Оставаясь приверженцем монархической формы правления, Кан Ювэй возлагал большие надежды на молодого императора Гуансюя и надеялся осуществить реформы сверху.

Летом 1898 года император решился на проведение реформ, которые продолжались не более трех месяцев, с 11 июня по 21 сентября, и именно это время вошло в историю как «100 дней реформ». Реформаторы разработали и попытались претворить в жизнь масштабную программу преобразований, включавшую содействие развитию национальной промышленности и предпринимательства, отмену многих старых и введение новых административных учреждений, реорганизацию армии, отмену архаичных экзаменов, необходимых для получения государственных должностей, поощрение современных «западных» наук и т. д. Именно тогда был создан Пекинский университет. В течение «100 дней реформ» от имени императора было издано свыше 60 указов, многие из которых были направлены на создание основ сильного суверенного государства. Однако вдовствующая императрица Цыси, обладавшая значительной властью и влиянием, 21 сентября 1898 года совершила дворцовый переворот и нанесла решительный удар по реформаторам.

В современной историографии укрепляется точка зрения, согласно которой реформаторское движение 1895–1898 годов стало закономерным продолжением и развитием идейного течения, известного под названием «Цин и» (дословно: «Чистое мнение», но точнее по смыслу: «Мнение незаурядных людей»), которое активизировалось в империи Цин в 1870-х и набрало силу в 1880–1890-х годах [6], [7]. Подобные идеологические течения возникали в среде конфуцианских интеллектуалов и ранее, особенно в периоды кризиса китайского общества. Данная точка зрения представляется весьма продуктивной. Действительно, в 70–90-х годах XIX века, то есть в период про-

ведения мероприятий политики «самоусиления», инициированной определенной частью правящей элиты, в провинциальных чиновничьих кругах, особенно среди молодых людей 30–40 лет, складывалось недовольство деятельностью организаторов и проводников этой политики, сосредоточивших в своих руках огромные (в том числе и государственные) средства и получивших значительную власть как в центре, так и на местах. Молодые провинциальные шэньши затрачивали немалые усилия, требовавшие от них больших знаний и времени, для получения ученых степеней и низших чиновничьих должностей, а руководители политики «самоусиления» не допускали их до вершин власти, что вызывало все возрастающее недовольство².

На практике императорские указы периода «100 дней реформ» во многом отвечали интересам провинциальных шэньшиских кругов. Давая возможность представителям широких кругов чиновничества занимать ответственные государственные должности, император теперь стал доступен для шэньши любого ранга, что отвечало идеалам «Цин и». А переворот, организованный императрицей Цыси, и устранение реформаторов с политической арены были поддержаны не только представителями наиболее консервативных кругов – сторонниками старых порядков, но и многими активными деятелями политики «самоусиления», опасавшимися утраты своих позиций в эпоху новых преобразований.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ КАК СИМВОЛ ПЕРЕМЕН: РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ РЕФОРМАТОРОВ

Исходя из всего вышесказанного Кан Ювэй и его соратники хотели видеть в молодом императоре Гуансюе образец монарха, отвечающего всем конфуцианским требованиям и нормам, доступного для чиновников любого ранга, который всегда прислушивается к мнению мудрых и образованных советников. Именно поэтому идеалом такого монарха и символом успешных преобразований стал для них Петр Великий, равно как и японский император Муцухито (девиз правления – Мэйдзи), также инициировавший и осуществивший масштабные преобразования в своей стране. Кан Ювэй старался убедить императора Гуансюя во всем следовать их примеру. В конце декабря 1897 года, возвратившись в Пекин, он подготовил пятый по счету меморандум, адресованный императору, в котором предложил осуществить серьезные преобразования в сфере государственного устройства. Кан Ювэй рекомендовал провести в Китае реформы по образцу преобразований Петра Великого и японского им-

ператора Мэйдзи [11, т. 2: 195]. Он писал о том, что Петр, странствуя по европейским странам и передеваясь в простую одежду, изучал иностранный опыт и сумел в итоге усилить свое государство так, что оно стало одним из сильнейших в мире.

В своей автобиографии Кан Ювэй пишет о том, что 14 января 1898 года в 3 часа дня он встретился с влиятельными членами Цзунли ямэня³: Ли Хунчжаном (один самых высокопоставленных китайских государственных деятелей конца XIX века), Вэн Тунхэ (наставник императора Гуансюя) и Жун Лу (губернатор столичной провинции Чжили), а также с Ляо Шухэном – главой уголовного приказа, и Чжан Иньхуанем – заместителем главы налогового ведомства [11, т. 4: 140]. В ходе встречи Кан Ювэй изложил им свои планы реформ. Большинство из присутствовавших эти предложения были встречены весьма настороженно. Жун Лу даже воскликнул: «Нельзя изменять законы предков!» Кан Ювэй пришлось обосновать свои предложения, причем не только используя, как это было принято, примеры из китайского исторического опыта, но и рассказывая о результатах преобразований в других странах, например в Японии. Он также пообещал представить в Цзунли ямэнь свою «Записку о реформах российского царя Петра Великого» [11, т. 4: 141].

Идею о необходимости проведения в Китае государственных преобразований Кан Ювэй развил в своем 6-м меморандуме трону [11, т. 2: 197–202], который был написан гораздо менее резким тоном, чем предыдущие, и содержал в основном предложения, сводившиеся к установлению конституционной монархии при учете и использовании иностранного опыта. Однако меморандум оказался у императора только 15 марта 1898 года после длительного бюрократического хождения по придворным инстанциям.

В 6-м меморандуме Кан Ювэй высказал мнение о том, что для Китая не подходят демократический республиканский строй США и Франции и конституционное управление, установленное в Англии и Германии, как в силу удаленности этих государств от Китая, так и по причине серьезных отличий народных обычаев и традиций. Поэтому он предлагал императору прежде всего обратить внимание на реформаторскую деятельность и идеи Петра I и опыт преобразований в Японии периода Мэйдзи. Кан Ювэй писал в меморандуме: «Прошу Ваше Императорское Величество использовать решимость русского царя Петра Великого [в деле проведения реформ] как образец решимости» [11, т. 2: 199]⁴, тем самым стараясь

убедить императора уподобиться Петру и целеустремленно проводить реформы.

К седьмому меморандуму Кан Ювэй приложил свою «Записку о реформах российского царя Петра Великого» («Э хуан Дабидэ бянь чжэн цзи») [10]. Своё обращение к образу Петра и опыту его преобразований Кан Ювэй, в соответствии с конфуцианской традицией, сопроводил отсылками к истории Древнего Китая. Поскольку основными качествами Петра I он считал его твердость, настойчивость в достижении своей цели и то, что русский царь был готов трудиться, как обычный человек, то и сравнил его с древнекитайскими правителями, прославившимися именно подобными качествами: с легендарным императором Шунем, иньским правителем У-дином, юэским Гоуцзянем и цзиньским Вэньгуном [11, т. 2: 203]. При этом очевидно стремление Кан Ювэй вписать образ российского императора в традиционный исторический ряд и проистекавшее из этого прямое сравнение Петра с идеальными правителями китайской древности. Так, он пишет о том, что «в прошлом юэский Гоуцзянь смог очень долго выжидать и настойчиво готовиться к тому, чтобы в конце концов сокрушить врага» [11, т. 2: 203]. В этом месте речь идет о Гоуцзяне – ване царства Юэ (правил в 496–465 годах до н. э.), вошедшем в историю Китая в качестве образцового государственного деятеля, упорно трудившегося для того, чтобы отомстить врагам и смыть унижение своей страны. Поскольку в записке, переданной императору вместе с меморандумом, Кан Ювэй писал о том, что Петр I вначале потерпел поражение от шведов (под Нарвой в 1700 году), а затем долго и тщательно готовился к реваншу и накапливал силы, что в итоге завершилось победой России над Швецией, то становится вполне уместным его сравнение с юэским Гоуцзянем.

Еще один исторический персонаж, которого Кан Ювэй упоминает в одном контексте с Петром, – это цзиньский Вэнь-гун (636–628 года до н. э.). Став гуном (князем), он сделал царство Цзинь очень могущественным и одержал множество военных побед, разгромив в 662 году до н. э. войска царства Чу в битве при Чэнпу, что не позволило царству Чу распространить свое влияние к северу от реки Хуанхэ. За это он получил от чжоуского вана титул *ба* (гегемон), то есть стал главой союзных князей. В меморандуме Кан Ювэй напоминает, что перед этим «цзиньский Вэнь-гун 19 лет странствовал, чтобы познать жизнь народа» [11, т. 2: 203]. И здесь опять же напрашиваются прямые аналогии с тем, что Кан Ювэй знал о Петре. Он подробно описывал зарубежные поездки Петра I, в ходе которых тот

набирался опыта, изучая достижения других народов. А накопив этот опыт, русский царь сумел создать сильную армию и разбить шведов в битве под Полтавой.

По утверждению Кан Ювэй, Петр Великий, подобно древним правителям Китая, не гнушался физического труда, освоил множество наук и ремесел. Отсюда и его сравнение с одним из первых легендарных китайских императоров Шунем, жившим, согласно преданиям, в XXIII веке до н. э., который, прежде чем стать совершенным правителем, трудился как простой человек, занимаясь земледелием, гончарным делом и рыболовством. Таким же достойным историческим примером представлялся Кан Ювэй и иньский правитель У-дин (правил с 1250 по 1192 год до н. э.), который до вступления на престол жил среди простолюдинов, а в дальнейшем более полувека управлял государством, и, как гласит китайская историческая традиция, годы его царствования стали временем экономического подъема в стране и укрепления политического престижа государства. К тому же он сумел присоединить целый ряд новых территорий.

В тексте «Записки» Кан Ювэй подробно изложил основные события истории России петровского времени и важнейшие факты его биографии. Он писал, что вначале Россия была ослаблена Швецией и западные страны относились к ней с пренебрежением. По мнению Кан Ювэй, тогдашнее международное положение России было незавидным и напоминало нынешнее положение Китая. Однако в самый критический момент в России появился царь Петр, и ситуация в корне изменилась. Он реорганизовал и перевооружил армию, построил флот и провел реформу государственного управления.

Излагая биографию Петра Великого, Кан Ювэй сделал акцент на том, что молодой царь постоянно трудился и самосовершенствовался. Он подробно описал его поездку в Голландию и то, что Петр, как простой плотник, трудился на голландских верфях, овладевая навыками судостроения. По мнению Кан Ювэй, очень важно, что Петр понял необходимость создания сильного военно-морского флота и строительства портов. Кан Ювэй также обратил внимание на основание новой столицы России. Тут он приписывает Петру следующие, весьма поэтические слова: «Я перенесу сюда свою столицу. Я сделаю это место окном из России на Запад. На открытом балконе, всматриваясь вдаль, я буду следить за обстановкой в Европе. Разве это не прекрасно!» [10].

Кан Ювэй весьма подробно изложил ход Северной войны, описал успехи России и ее военные победы. Он объяснял причины победы Рос-

сии в войне против Швеции военным талантом Петра и успешно проведенными в армии реформами. В то же время Кан Ювэй остановился и на отношениях России с Турцией, упомянув о неудачном Прутском походе 1711 года. Он написал о том, как турецкие войска напали на русскую армию, которая попала в западню, и Петр был окружен. Далее была изложена известная версия о том, что супруга Петра I царица Екатерина Алексеевна пожертвовала все свои украшения, чтобы подкупить командующего турецкой армией и выторговать более выгодные условия перемирия.

Много места уделил Кан Ювэй объяснению тех причин, которые, по его мнению, способствовали успеху петровских реформ. Прежде всего это личные качества русского царя, его характер. Царь не кичился своим высоким происхождением, трудился как простолюдин, ездил за границу, чтобы освоить иностранный опыт. Он не отказывался даже учиться у своих врагов и многое (особенно в военном деле) перенял у шведов. Здесь лидер реформаторов проводил прямую параллель с ситуацией в Китае. Он призывал императора Гуансюя не отдаляться от народа, сблизиться со своими подчиненными, привлекать к государственному управлению талантливых людей, независимо от их происхождения, следуя тому, что делал Петр. В данном случае отчетливо прослеживаются идеи, созвучные идеологии движения «Цин и» и направленные против господствовавшей цинской элиты.

Еще одна причина успешности и результативности реформ Петра Великого, по мнению Кан Ювэй, заключалась в том, что он «понимал требования данного момента и делал все в соответствии с волей Неба» [10]. И это было уже чисто конфуцианское объяснение достижений российского императора. Совершенный правитель был обязан постичь волю Неба и всегда следовать ей.

Естественно, возникает вопрос о том, какие источники использовал Кан Ювэй для написания биографии Петра Великого и характеристики его преобразований. Он писал в 7-м меморандуме, что был сильно разочарован, когда обнаружил почти полное отсутствие материалов о Петре на китайском языке. Поэтому ему пришлось читать переводы работ западных авторов и самому переводить с английского. Считается, что он использовал перевод на китайский язык исторического труда Роберта Маккензи «Девятнадцатый век: История», выполненный известным баптистским миссионером Тимоти Ричардом (1845–1919)⁵, а также книгу Уолтера Келли «История России»⁶ [5: 33–34]. Известно, что в 1898 году Тимоти Ричард опубликовал на китайском языке под своим китайским именем Ли Тимотай «Биографию Петра Великого», однако точно не

установлено, мог ли Кан Ювэй использовать материалы из указанной работы для написания своей «Записки о реформах российского царя Петра Великого».

Весьма позитивная оценка личности Петра I и его преобразований была дана в сочинениях другого китайского реформатора Янь Фу (1854–1921). Будучи одним из наиболее ярких представителей реформаторского движения, Янь Фу не принадлежал к ближайшему окружению Кан Ювэй в силу глубоких идейных разногласий. Летом 1898 года он направил императору Гуансюю «Послание на Высочайшее имя в десять тысяч иероглифов» и даже был удостоен императорской аудиенции, во время которой высказал свои предложения о первоочередных действиях при проведении реформ. После дворцового переворота, совершенного императрицей Цыси, Янь Фу, в отличие от большинства реформаторов, не пострадал, хотя и оставался под наблюдением.

В 1897 году он написал статью «О дружбе Китая и России» [12], направленную против противников сближения двух стран. В этой статье Янь Фу привел три довода в пользу укрепления связей с Россией: 1. Россия – первая страна в мире, направившая в Китай своих послов. 2. У России и Китая – общая граница («наши народы живут так близко, что слышны крики петухов... и относятся друг к другу как братья»). 3. На протяжении двухсот лет Россия ни разу не применила оружия против Китая.

Содержание этой статьи говорит о том, что Янь Фу так же, как и Кан Ювэй, несколько идеализировал Россию и Петра Великого. Образ Петра был необходим этому реформатору в качестве символа проведения успешных реформ и активно использовался в полемике с китайскими консерваторами. Янь Фу указывал, что Россия когда-то была еще слабее и ближе к национальной гибели, чем нынешний Китай, но смогла выйти из кризиса и добиться своего нынешнего положения только благодаря реформам Петра Великого. По мнению Янь Фу, Петр сумел осознать тот факт, что причины отсталости России были обусловлены ее изоляцией от внешнего мира, и честно признал превосходство Европы во всех вопросах, как гражданских, так и военных. Поэтому царь принял решение срочно выехать за границу для того, чтобы изучить достижения Запада, а затем их заимствовать. Явная параллель с Китаем конца XIX века была очевидна. И что было особенно важно для Янь Фу, Петр Великий придавал очень большое значение наукам и просвещению. Кроме того, Янь Фу постарался убедить читателя в том, что консервативно мыслявшие придворные пытались отговорить Петра от про-

ведения преобразований. Он явно сделал это для того, чтобы еще более сблизить описанную им ситуацию в петровской России с современным Китаем. Вывод, к которому пришел Янь Фу, был очевиден: в Китае император должен совершить то же самое, что делал Петр для того, чтобы страна стала богатой и сильной (*фу цян*). Образ Петра оставался притягательным для Янь Фу и после поражения Движения за реформы. В 1903 году он включил Петра I в составленный им перечень великих правителей [5: 55].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать, что в Китае в конце XIX века Петр Великий стал символом успешного проведения реформ и заимствования иностранного опыта. Образ царя-реформатора, мудро правителя огромной страны закрепился за Петром I надолго. Популярность его образа

в среде представителей реформаторского движения в Китае была обусловлена тем, что лидеры этого движения проводили прямые аналогии между петровскими реформами и теми преобразованиями, которые было необходимо провести в Цинской империи для того, чтобы выйти из состояния глубокого социально-экономического и политического кризиса. К тому же, учитывая специфику устремлений участников реформаторского движения, следует отметить и другие привлекательные черты этого образа. Реформаторы стремились к тому, чтобы император был ближе к народу и выражал интересы более широких кругов шэньши и представителей иных сословий. Поэтому Петр I в их понимании представлял собой образец целеустремленного и доступного для широких кругов монарха, которого отличали гибкость мышления и умение найти выход из кризисной ситуации.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 何秋涛。朔方备乘 (Хэ Цютао. Шофан бэйчэн). Б. м., 1881. 68 цзюаней. Часто название этого труда переводят как «Полное описание северных территорий». Однако академик В. С. Мясников предлагает переводить название книги Хэ Цютао «Шофан бэйчэн» иначе: «Готовьте боевые колесницы в страну Полунощную» (Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1980. С. 9).
- 2 Подробнее см.: Самойлов Н. А. Реформы 1898 г. в свете исторической компаративистики (К 100-летию «100 дней реформ») // V научная сессия по историографии и источниковедению истории Китая: 7–9 апреля 1998 года: Краткое содержание докладов / Под ред. Н. А. Самойлова. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 68–73.
- 3 Цзунли ямэнь (Цзунли гэгэ шиу ямэнь) – канцелярия по управлению делами с зарубежными странами. Выполняла функции министерства иностранных дел. Этот орган существовал с 1861 по 1901 год.
- 4 Перевод этой фразы Кан Ювэя сложен и неоднозначен. По-китайски она выглядит так: 愿皇上以俄国大彼得之心为心法, что при дословном переводе должно звучать, как «Прошу Ваше императорское Величество использовать сердце русского царя Петра Великого как образец сердца». При этом необходимо учитывать, что в китайской философской мысли толкование понятия синь (心, «сердце») не соответствует нашей традиции. Это может быть «разум», «сознание», «психика», «сердцевина», «дух», «разум», «воля», «решимость», «устремленность». Данная категория традиционной китайской философии «имеет четыре основных смысла: 1) функциональный орган – средоточие сознания и психических возможностей, в том числе чувств и воли; 2) «сердцевина», квинтэссенция возможностей любой «вещи», живой и неживой, в том числе человека; 3) функции сознания, психики и познания; 4) обозначение субъективно идеального» (Китайская философия: Энциклопедический словарь / Под ред. М. Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. С. 277). Исходя из этого нам представляется возможным в данном контексте рассматривать «синь» как «дух реформ» или как «решимость в стремлении к реформам». Именно в этом Кан Ювэй видел причину успеха петровских преобразований.
- 5 Mackenzie R. The Nineteenth Century: A History. 13th ed. London, 1891; 太西新史攬要 (Тайси синьши ланьяо). 24 цзюаня. Шанхай, 1895.
- 6 Kelly W. The History of Russia. 2 vols. London, 1855.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Линь Цзэсюй. Основные сведения о Российском государстве / Пер. с кит., вступит. статья и коммент. С. Ю. Врэдия. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1996. 107 с.
- 2 Тайпинское восстание 1850–1864 гг.: Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 336 с.
- 3 Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. 246 с.
- 4 Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1980. 360 с.
- 5 Price D. Russia and the roots of the Chinese Revolution: 1896–1911. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1974. 304 p.
- 6 Rankin M. “Public opinion” and political power: Qingyi in late nineteenth century China // The Journal of Asian Studies. 1982. Vol. 41. No 3 (May). P. 453–484.
- 7 Schercker J. The Reform Movement of 1898 and the Meiji Restoration as Ch’ing-i Movements // The Chinese and the Japanese: Essays in political and cultural interactions. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. P. 96–106.

8. Świd erska M. Comparativist imagology and the phenomenon of strangeness // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2013. Vol. 15. Issue 7. P. 2–8. Available at: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clweb> (accessed 20.02.2020).
9. 徐继畲。瀛环志略。福州, 1848. 10 卷。(Сюй Цзюйюй. Краткое описание морей и суши. Фучжоу, 1848. 10 цз.)
10. 康有为。俄罗斯大彼得得变政记 (Кан Ювэй. Записка о реформах российского царя Петра Великого). Available at: <http://www.cnthinkers.com/thinkerweb/literature/441205> (accessed 20.02.2020).
11. 戊戌变法。四册。上海: 神州 国光社, 1953. (Реформы 1898 года. Т. 1–4. Шанхай: Шэньчжоу гоуан шэ, 1953.)
12. 严复。中俄交谊论 // 郑振铎. 晚清文选。山海, 1937. 页 679–683. (Янь Фу. О дружбе России и Китая // Чжэн Чжэньдо. Избранные произведения позднего периода. Шанхай, 1937. С. 679–683.)

Поступила в редакцию 10.03.2020

Nikolay A. Samoylov, Doctor of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
n.samoylov@spbu.ru

IMAGE OF PETER THE GREAT AND IDEOLOGY OF THE REFORM MOVEMENT IN CHINA AT THE END OF THE XIX CENTURY*

The history of the occurrence of Peter the Great's image in China, the process of its sociocultural representation and adaptation, as well as the use of the image of the Russian Emperor and his transformations for the ideological substantiation of the reforms in the Qing Empire at the end of the XIX century are the aims of this study. The relevance of the article arises from the need to study the formation and development of Sino-Russian mutual images at different stages of history and in different regions, since these images and stereotypes inevitably affect the Russia-China bilateral relations. The image of Peter the Great and his reforms attracted Chinese thinkers of the XIX century greatly. The first evaluative discourse on Peter I occurred in China in the mid-nineteenth century. This was fragmentary information, mainly gleaned from randomly chosen Western sources. However, brief assessments of his activities were very positive. At that time, Peter I was seen by the Chinese thinkers as an exotic figure. At the same time, the personality of the Russian Emperor and the scale of his activities appealed to them a lot. The power of Russia achieved by the XIX century, in their opinion, was predetermined by the reforms of Peter I. It was especially noted that Peter the Great actively urged his compatriots to take lessons from foreign experience. The greatest attention to the personality of Peter the Great and his reforms was paid by an outstanding Chinese reformer Kang Youwei. For him, Peter was a symbol of extremely successful transformations to follow and learn from. At the same time, in his opinion, Peter I acted in accordance with the will of Heaven, without violating Universal Harmony. That was seen as the key to his success. Thus, in the nineteenth century China Peter the Great became a symbol of the successful implementation of reforms and the adoption of foreign experience. The image of the Emperor-Reformer, the wise ruler of a vast country remained with him for a long time.

Keywords: Peter the Great, China, Reform Movement, Kang Youwei, historical imagology

*The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-09-42018 (“Image of Peter the Great in East Asia: Sociocultural Interpretation and Adaptation”).

Cite this article as: Samoylov N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. № 4. P. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489

REFERENCES

1. Lin Zexu. Fundamental information about the Russian state. (S. Yu. Vradiy, Transl. into Russian, Comments, Foreword). Vladivostok, 1996. 107 p. (In Russ.)
2. The Taiping Rebellion of 1850–1864. Collection of documents. Moscow, 1960. 336 p. (In Russ.)
3. Tikhvinsky S. L. Chinese perceptions of Russia's image. Moscow, 2008. 246 p. (In Russ.)
4. Tikhvinsky S. L. The Reform Movement in China at the end of the XIX century. Moscow, 1980. 360 p. (In Russ.)
5. Price D. Russia and the roots of the Chinese Revolution: 1896–1911. Cambridge (Mass.), 1974. 304 p.
6. Rankin M. “Public opinion” and political power: Qingyi in late nineteenth century China. *The Journal of Asian Studies*. 1982. Vol. 41. No 3 (May). P. 453–484.
7. Schrecker J. The Reform Movement of 1898 and the Meiji Restoration as Ch'ing-i Movements. *The Chinese and the Japanese: Essays in political and cultural interactions*. Princeton, 1980. P. 96–106.
8. Świd erska M. Comparativist imagology and the phenomenon of strangeness. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2013. Vol. 15. Issue 7. P. 2–8. Available at: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clweb> (accessed 20.02.2020).
9. 徐继畲。瀛环志略。福州, 1848. 10 卷。
10. 康有为。俄罗斯大彼得得变政记 Available at: <http://www.cnthinkers.com/thinkerweb/literature/441205> (accessed 20.02.2020).
11. 戊戌变法。四册。上海: 神州 国光社, 1953.
12. 严复。中俄交谊论 // 郑振铎. 晚清文选。山海, 1937. 页 679–683.

Received: 10 March, 2020